

*Л.П. Грот*

**ВОЖДЕСТВО И ИНСТИТУТ ВЕРХОВНОЙ  
ВЛАСТИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИИ:  
ИСТОКИ ПРОБЛЕМ ИЗУЧЕНИЯ**

Феномен вожинства как социополитической организации, характеризовавшей поэтапную эволюцию позднепервобытного/предгосударственного общества, стал активно исследоваться как в отечественной, так и в зарубежной науке в 60–80-х гг. прошлого века. Была разработана и обоснована идея о длительном переходном периоде от первобытного общества к феодальному (см. историографический обзор: [Крадин 1995: 11–61]). В советской медиевистике идея поэтапной эволюции в ранние периоды истории получила первоначально название концепции дофеодального периода, разработка которой обычно связывается с именем известного советского медиевиста А.И. Неусыхина (1898–1969). Но российский историк И.Я. Фроянов напомнил нам в своей монографии «Мятежный Новгород», что идеи о наличии дофеодального периода в историческом процессе появились у отечественных историков-русистов еще в 1930-х гг. [Фроянов 1992: 9–20]. Ведь еще С.В. Бахрушин (1882–1950) высказывал сомнение относительно феодальной, классовой сущности «Державы Рюриковичей» и полагал, что эта «Держава» стояла «на переломе между родовым строем и феодальным» и была разновидностью варварской государственности [Бахрушин 1938: 98]. Аналогичная мысль о «Киевской державе» как дофеодальном или варварском государстве отстаивалась и С.В. Юшковым (1888–1952), который видел закономерности появления дофеодальной или варварской государственности в разных странах, в том числе и на Руси [Юшков 1939: 26–27; 1946: 45].

И.Я. Фроянов отмечает [1992: 10], что некоторые соображения Юшкова предвосхитили ряд выводов Неусыхина. Помимо научных работ в области исследований древнерусского политогенеза и социогенеза, идеи о дофеодальной или варварской государственности с 1940-х гг. получили распространение среди советских специалистов в области античности и медиевистики стран Западной Европы [Неусыхин

1945а; 1945б; 1946; 1955; 1956; Сюзюмов 1948: 51–58, 76; 1955: 51–67; 1960: 5; 1972: 6]. Поэтому, когда в 1966 г. на конференции «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе» А.И. Неусыхин выступил с докладом «Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному», ставшим классическим в советской науке по данной проблематике, идеи о длительной поэтапной эволюции позднепервобытных обществ осмысливались и дискутировались в отечественной науке уже около тридцати лет. Мысли А.И. Неусыхина представляли собой их дальнейшее развитие [Неусыхин 1968: 60]. Концепция о дофеодальном периоде в 1960–1980-е гг. была воспринята многими видными советскими историками и получила развитие в трудах А.Я. Гуревича [1967; 1972; 1977], Е.М. Жукова [1968: 6; 1980: 136–137], И.Я. Фроянова [1980; 1983: 90–103; 1992: 10–20; 1999]. Как обоснованно отметил Н.Н. Крадин, «марксистские исследователи самостоятельно пришли к открытию феномена вождества» [1995: 13]. В 1980-х гг. в отечественную науку вошел и собственно термин «*вождество*», предложенный А.М. Хазановым [1979] как перевод английского *chiefdom* — термина, использовавшегося западными исследователями в области политической антропологии для обозначения позднепервобытного, предклассового общества. Известный Китаист Л.С. Васильев представил основные характеристики концепции вождества и определил вождество как промежуточную форму «политической структуры, в которой уже есть централизованное управление и наследственная иерархия правителей и знати, существует социальное и имущественное неравенство, но еще нет формального и тем более легализованного аппарата принуждения и насилия» [Васильев 1980: 172–186; 1983]. По словам Н.Н. Крадина, к концу 1980-х гг. многие отечественные ученые уже использовали в своих исследованиях термин «вождество», или «чифдом» [Крадин 1995: 13].

Однако на сегодняшний день в развитии концепции вождества в отечественной науке наметилась одна особенность. Если в востоковедении, африканистике, кочевниковедении, изучении прошлого Океании и стран Американского континента концепции вождества действительно продолжают дальнейшее развитие, то в области древнерусской исто-

рии наблюдается спад интереса к разработке этого подхода, несмотря на то что именно русисты стояли у истоков рождения аналога концепции вождства в отечественной истории — концепции дофеодального периода.

Историк А.В. Журавель в статье [2003], посвященной столетию со дня рождения С.В. Юшкова, подытоживая ситуацию, сложившуюся к концу 1980-х гг. в исследовании проблем древнерусской государственности, отметил, что она характеризуется противоборством двух направлений: «феодального», или определяющего древнерусское общество как феодальное, и дофеодального в соответствии с концепцией дофеодального развития. Жесткое размежевание и нежелание оппонентов слушать друг друга, по мнению автора статьи, делают невозможным выработку комплексного теоретического подхода в исследовании древнерусского политогенеза и тем более разработку новых теорий и определяются им как методологический тупик. Данную статью автору не удалось опубликовать в 1988 г., однако она 14 лет спустя была принята в печать издательством «Русская панорама», оказавшись приуроченной к 50-летию со дня смерти С.В. Юшкова. И по прошествии полутора десятка лет А.В. Журавель констатировал, что историографическая ситуация в изучении проблематики возникновения и развития государства на Руси существенно не изменилась. Я привела выдержки из этой статьи потому, что выводы ее автора во многом совпадают с моими наблюдениями относительно ситуации, сложившейся на сегодня в области исследования древнерусской государственности. И, что важно, отмеченная ситуация делает практически невозможным для историков-русистов полноценное участие в продолжающейся в современной науке дискуссии о процессах политической эволюции архаических обществ, рассматриваемых в современных трудах по политической антропологии [Бондаренко и др. 2000; Крадин 2004; Гринин и др. 2006].

В чем же причина отмеченной стагнации в исследовании древнерусской истории? А.В. Журавель видит ее в том, что сторонники «черепнинско-свердловского» феодализма (по определению автора) и противостоящая им школа И.Я. Фроянова не ищут взаимопонимания и не желают прислушаться к аргументам друг друга. На мой взгляд, отмеченная ситуа-

ция в современной русистике — не причина, а следствие. Причина же кроется в более глубоких проблемных слоях. Как мне удалось установить, историография Древнерусского государства начиная с XVIII в. развивается под прессом целого ряда западноевропейских утопий, а именно: готицизма, рудбекианизма, теории Общественного договора и др. [Грот 2007б: 12–22; 2008а: 111–126; 2008б: 111–117; 2009а: 132–194; 2009б: 132–154; 2009в: 33–72; 2010а: 321–332; 2010б: 103–202]. Исторические утопии составляют совершенно особый жанр: они рисуют исторические картины, которых не только не было, но и быть не могло в реальной жизни в силу объективных обстоятельств. Их появлению и закреплению в мире науки способствует то, что некоторые «книжные» фантазии в определенных ситуациях оформляются в своеобразный символ веры, сторонники которого начинают отстаивать его с упорством неопитов.

В XV–XVI вв. многие представители западноевропейских стран под влиянием системы идей, возникших в Италии в конце XIV — начале XV в. и вошедших в историю под названием гуманизма, были вовлечены в процесс воссоздания славных картин исторического прошлого своих народов, при этом рука об руку с изучением источников шло свободное фантазирование и порождение мифов, подменявших концепции, основанные на доступных фактах. Фантазиями был изначально пронизан распространившийся в XVI в. так называемый готицизм — течение в западноевропейской исторической мысли, стремившееся реконструировать историю древнего народа готы, на родство с которыми претендовали многие западноевропейские народы, в том числе народы Скандинавского полуострова. Это идейно-политическое течение сложилось в Германии и Скандинавских странах как реакция на антиготскую пропаганду итальянских гуманистов. Следует напомнить, что в деятельности итальянских гуманистов параллельно с прославлением античности сложилась традиция очернения исторического прошлого североевропейских народов в форме поругания готского начала как разрушителя великой античной культуры Рима. О готском периоде как «темных веках» писали уже и Петрарка (1304–1374) и его окружение. Данная мысль получила последовательное развитие в трудах итальянских политиков,

занимавшихся историей. В рамках данной историографической традиции «готское» стало синонимом «варварского». Готы представлялись как передовой отряд варваров, который был не только разрушителем культуры, но и началом, враждебным всяческой культуре [Брагина 1985; Вольфрам 2003: 11–16; Лосев 1978; Макьявелли 1987; Соколов 1984; Haslag 1963; Johannesson 1982; Kristeller 1961; Latvakangas 1995: 95–111; Lindroth 1961: 35–36; Nordström 1934: 55–76; 1971: 171–180; 1975; Svennung 1967]. Антиготская пропаганда, которую шведский историк Свеннунг назвал оборотной стороной гуманизма — *eine Kehrseite* — и определил как «предание итальянскими гуманистами проклятию всего готского, иначе германского» [Svennung 1967: 59], сложившись в устойчивую историографическую традицию итальянского гуманизма, задевала человеческое достоинство многих европейских народов, и прежде всего немецкоязычное население Священной Римской империи, то есть население Германии, а также ощущавших свое родство с ним представителей образованных слоев Скандинавских стран. В этой среде с конца XV — начала XVI в. и стало складываться интеллектуальное движение протеста, в русле историко-филологической мысли оформившееся как *готицизм* [Haslag 1963: 113–190; Svennung 1967: 62–67, 97–103]. В рамках готицизма в Германии начался ревностный поиск и изучение немецких источников или источников, с помощью которых можно было бы ослабить или полностью опровергнуть обвинения итальянских гуманистов. Так, европейскому миру были заново открыты сочинения Тацита и Иордана [Johannesson 1982: 117–118; Svennung 1967: 7–10, 58–59]. В этот период в немецкоязычной среде начали создаваться произведения, прославлявшие германскую древность. На страницах данных произведений стало оформляться понятие «германцы» как народ/группа народов, объединенных общими предками и общими высокими моральными качествами: геройским духом, созидательным началом, особенно в плане формирования государственности. «Германцы» провозглашались неразрушителями, а законными, молодыми и сильными, наследниками одряхлевшей Римской империи. Именно в это время оформилась концепция, согласно которой германцы были отождествлены с готами, а настояниями немецких историков В. Пиркхейме-

ра (1478–1530) и Ф. Иреника (1494/1495–1553) к германцам были причислены и шведы как один из народов «на германских островах», что послужило важным стимулом для складывания шведского готицизма. Таким образом, тождественность германского и шведского сиречь скандинавского, которой с такой легкостью оперируют некоторые современные ученые, является не естественным результатом исторического развития, а рукотворным произведением ученой среды Германии XVI в. [Johannesson 1982: 118].

Одной из особенностей трудов, создававшихся в традициях готицизма, явилась тенденция приписывать истории своей страны историю других народов древности или раннего Средневековья. При этом общеизвестные классические источники просто объявлялись «принадлежностью» собственной истории, «неузнанной» ранее в силу искажения имен, названий и пр. составителями старинных хроник и других источников. С особенной силой эти качества готицизма проявились у его шведских представителей, таких как Эрик Олай (ум. в 1486 г.), автор “*Chrinica regni Gothorum*”, где провозглашалось, что Швеция — это упоминаемый Иорданом легендарный остров Скандия/Сканца, то есть прародина готов, завоевавших Рим, а также у такого его крупнейшего представителя, как Иоанн Магнус (1488–1544) [Johannesson 1982: 40, 80, 120–122, 134, 145; Latvakangas 1995: 96–97; Lindroth 1961: 35–36, 38; Nordström 1934: 95–101; 1929; Westin 1949: 185–186]. Поскольку неисповедимые пути исторического providения привели к тому, что шведский готицизм и наследовавшие ему другие исторические утопии шведской общественной мысли XVII–XVIII вв. оказали особое влияние на развитие российской историографии в области древнерусского политогенеза, то представляется необходимым привести здесь их краткие характеристики.

Хроника И. Магнуса «История всех королей свеев и готов» (“*Historia de omnibus Gothorum Sveonumque regibus*”) стала официальной историей Швеции вплоть до XVIII в. В ней получила активное развитие основополагающая для готицизма идея отождествления Швеции с прародиной готов. Эта хроника интересна для данной статьи тем, что в ней обнаруживаются идеи, легко узнаваемые через труды современных норманистов. Главный источник для И. Магнуса —

Иордан. Но шведский историк Нордстрем пишет, что несколько строчек Иордана об отплытии готов с острова Скандзы И. Магнус превратил в пространное историческое полотно в жанре свободной фантазии, где история многих народов Европы в древности выдается за историю готов, которая для И. Магнуса была равнозначна шведской истории. Так, в Причерноморье готы, по его убеждению, стали выступать под именем скифов, соответственно вся скифская история приписывалась Магнусом к древнешведской, и уже шведы, а не скифы под пером Магнуса выступали как покорители Азии, соперники египетских фараонов и пр. [Nordström 1934: 101, 181; 1975: 160–164, 174]. Помимо скифской истории, И. Магнус свободно использовал древнегреческие источники как материал для истории древнешведских королей и причислял к последним, например, героя сказаний о Троянской войне Телефа и его сына, мисийского царя Еврипила. Магнус уверял, что имя Телеф — искаженное греками древнешведское имя Елефф. Таковыми является большинство «этимологий» готицизма, в рамках которого закрепились традиции произвольного манипулирования именами или частями слов для подтверждения умозрительных концепций. Не избежала его поползновений и древнеримская мифология. Так, Магнус убеждал своего читателя, что древнешведские религиозные традиции оказали влияние на древнеримские и что под именем бога войны Марса скрывался древнешведский Один [Грот 2008б: 111–113; 2010а: 321–326; 2010б: 118–139; Latvakangas 1995: 145; Nordström 1934: 102–103, 113–134, 184, 193; Wiselgren 1835: 200].

Методика, рожденная мифотворчеством готицизма, со всей полнотой проявилась в родственном готицизму *рудбекианизме* — феномене западноевропейской исторической мысли XVII–XVIII вв., зародившемся в шведском обществе и названном по имени шведского литератора XVII в. Олафа Рудбека (1630–1702). Рудбекианизм оказал существенное влияние на развитие российской исторической науки в силу того, что под его влиянием воспитывался Байер, и, следовательно, рудбекианизм является одним из истоков норманизма, хотя этот важный момент не учитывается современной наукой (см. подробнее: [Грот 2008а: 111–126; 2008б: 114–116; 2010а: 326–331; 2010б: 154–167]).

Надо сказать, что интерес к античным источникам, пробудившийся в западноевропейской общественной мысли под влиянием итальянских гуманистов, вызвал из забвения и такой источник, как мифы о гиперборейях. В ученых кругах Западной Европы обнаружилась тенденция рассуждать о том, чьими предками были гиперборейи. Этот процесс захватил и шведскую историческую мысль. Крупный деятель в области шведской словесности Юхан Буре (1568–1652) высказал убеждение в том, что гиперборейи были, конечно же, скандинавы, а Гиперборейя находилась на территории Швеции. В архиве Буре сохранился даже начерченный им эскиз карты Скандинавского полуострова, где он в центре исторической области расселения свеев (иначе говоря, в столь любимой норманистами Средней Швеции) начертал имя Гиперборейи. Удивляться этому не приходится, имея в виду, что ко времени Буре шведское общество уже более ста лет воспитывалось на мысли готицистов о том, что многие античные и другие источники содержат сведения по древней истории Швеции, если их «правильно» интерпретировать. «Гиперборейские открытия» Буре (определение шведского историка Ю. Нордстрема) повлияли на воображение многих шведских историков и литераторов, в произведениях которых, в добавление к великому готскому прошлому Швеции, началось «реконструирование» великого гиперборейского прошлого свеев. Буре и его ученики и последователи стали проповедовать мысли о том, что в далеком прошлом шведы под именем гипербореев выступали основоположниками древнегреческой культуры, что имена гипербореев — это испорченные скандинавские имена (например, мудрец Абарис — это Ewart, или Iwart), что за образом гиперборейского Аполлона скрывается скандинавский Один, и таким образом, своих богов Эллада получила из Скандинавии, что многие древние источники, например Диодор Сицилийский, передают рассказы о древнешведской истории, но по незнанию древнешведского языка искажают древнешведские топонимы и антропонимы на греческий манер и т.д. [Грот 2008б: 112–113; 2010а: 323–326; 2010б: 144–154; Nordström 1934: 111–130].

Поиски шведскими историками и литераторами в начале XVII в. великого прошлого предков шведов — гетов/готов и свеев — не ограничивались экскурсами в историю готов



или древнегреческую историю. «Гипербореада», рожденная воображением Буре, открывала блестящие возможности начать «осваивать» и древнерусскую историю: ведь путь све-ев-гипербореев на Делос шел, согласно Буре, из Упсалы через Балтийское море и далее — через всю Восточную Европу. Свеи, по убеждению Буре и его последователей, под именем гипербореев смело передвигались по восточноевропейским рекам в Причерноморье и Прикаспийские области, бороздили Черное и Каспийское моря.

Общеполитическая ситуация благоприятствовала развитию шведской мифотворческой историографии в этом направлении. «Гиперборейские открытия» Буре приходились на период 1610–1613 гг., что как раз совпадало с военным присутствием шведской короны в Новгородской земле: с попытками шведских отрядов с 1609 г. осадить Ивангород, Ям, Копорье, Орешек, Колу и другие русские города, с захватом Новгорода в 1611 г., обсуждением кандидатуры шведского принца Карла-Филиппа на московский престол в 1612–1614 гг. и пр. Совпадение этих двух моментов — внешнеполитического и историографического — вызвало к жизни произведения, в которых стала развиваться идея об основополагающей миссии шведов и в древнерусской истории. Первым таким произведением стало историческое сочинение дипломата П. Петрея «История о великом княжестве Московском» (“*Regni muschovitici sciographia*”), опубликованное в 1614–1615 гг. на шведском языке в Стокгольме, а в 1620 г. также и на немецком языке в Лейпциге. Здесь, в рассказе о первых русских правителях, впервые в историографии была высказана мысль о шведском происхождении летописных варягов и родоначальника древнерусской княжеской династии Рюрика. На что опирался Петрей в своем высказывании о том, что варяги могли происходить из Швеции? Оказывается, только на фантазии Иоанна Магнуса и его слова о том, что шведы завоевали страну русских до реки «Танаима» и взымали с них дань. Таким образом, источник мысли о варягах и Рюрике как выходцах из Швеции — фантазии утопий готицизма, а не наука. Откровенная конъюнктурность “*Regni muschovitici...*” подтверждается тем, что буквально за пару лет до публикации этого сочинения, в 1611 г., Петрей опубликовал другой исторический опус под названием «Крат-

кая и благодетельная хроника обо всех свеярикских и гетских конунгах» (“Een kort och nyttigh chrönica om alla Swerikis och Göthis konungar”), представлявший перепев хроники Магнуса с браваурным перечислением вымышленных подвигов древних свее-готских конунгов. В хронике затрагивались и отношения с русскими, но ни слова не говорилось о шведском происхождении Рюрика. Более того, в 1614 г., когда уже начала выходить из печати шведская версия “Regni muschovitici...”, было опубликовано второе издание указанной хроники по шведской истории, в котором Петрей писал, что «не нашел в русских хрониках каких-либо сведений о завоеваниях шведских конунгов, но это и понятно, поскольку хроники начинают рассказ с прихода Рюрика, Синеуса и Трувора из Пруссии в 562 г.» [Latvakangas 1995: 132–137], то есть фактически воспроизвел так называемую «Августову легенду», перепутав только дату призвания Рюрика.

Почти одновременно с конъюнктурными вымыслами Петрея, в 1613 г., сановниками шведского короля Густава II Адольфа была сфальсифицирована внесенная в официальные шведские документы речь архимандрита Киприана, произнесенная на встрече новгородской и шведской делегаций в Выборге в августе 1613 г. Как зафиксировано в неофициальных шведских записях, сохранившихся от этой встречи, Киприан, ссылаясь на древность и самобытность новгородской княжеской власти, сказал, что в Новгороде истари были свои князья и был великий князь родом «...из Римской империи по имени Родорикус». В официальном шведском отчете вместо нее появилась фраза: «...был у них (новгородцев. — Л.Г.) великий князь из Швеции по имени Рюрик». Эта сфальсифицированная фраза была позднее внесена шведским историком Ю. Видекинди в его сочинение «История десятилетней шведско-русской войны» [Widekindi 1971 (1672): 511] о событиях Смутного времени, что придало фантазии о шведском происхождении Рюрика видимость документальной достоверности [Фомин 2005: 24, 52; 2010: 340–341; Форстен 1889: 194; Latvakangas 1995: 130].

Мифотворчество готицизма и «гипербореада» Буре и его последователей, а также политические амбиции шведской внешней политики XVII в. — то наследие, которое было использовано вышеупомянутым Олафом Рудбеком в его основ-

ном историческом сочинении «Атлантида» (“Atland eller Manheim”), которое планировалось издавать в период с 1679 по 1702 г., однако в течение 1679–1698 гг. успели издать три основных тома, когда пожар уничтожил последний том, восстановленный и изданный только в 1863 г.

Ведущей мыслью рудбековской «Атлантиды» было стремление «обосновать» основоположничество шведов с древнейших времен в историях большинства европейских народов, а Швецию представить колыбелью общеевропейской культуры, в том числе древнегреческой, скифской и древнерусской. В произведении Рудбека обнаруживается специфическая методика работы с источниками. Уже его влиятельные предшественники Магнус и Буре проявляли склонность к более чем свободной интерпретации писателей древности Иордана и Диодора Сицилийского. Но Рудбек пошел еще дальше. И у Магнуса, и у Буре все-таки можно увидеть границу между источниками и их собственными домыслами. Рудбек мешает источники и свои фантазии беззастенчиво и вкладывает в уста древних авторов то, что ему заблагорассудится. В своей «Атлантиде» Рудбек исходил из убеждения, которое стало насаждаться уже его предшественниками, что за именами многих народов и стран у античных и других древних авторов скрываются прямые предки шведов, но что это с течением времени забылось, оказалось утерянным и т.д. Он начинает «восстанавливать» шведскую историю через отождествление со Швецией платоновской Атлантиды, острова гипербореев, или Эликсии, Скифии, Варягии и др. [Rudbeck 1937 (Första delen): 191, 228, 265, 293, 324].

Важное место у Рудбека занимает, естественно, дальнейшее развитие «гипербореады» его старших упсальских коллег. Этот «вклад» Рудбека уже оценен в науке как причуды фантазии, доведенные до вершин нелепости [Svennung 1967: 91]. Но кроме гипербореады с идеей основоположничества шведов в создании древнегреческой культуры, Рудбек дал ход и другой фантазии, зародившейся одновременно с гипербореадой, — идее основоположничества шведов в создании древнерусской государственности. Политическая конъюнктура благоприятствовала: после Столбовского мира, заключенного в 1617 г., Швеция удерживала захваченные во время Смутного времени обширные территории Новгород-

ской земли, благодаря чему контролировала русскую торговлю хлебом на западноевропейских рынках, что давало приток свободных средств в шведскую казну. В 1630-е гг. Швеция вступила в Тридцатилетнюю войну (1618–1648) и одержала ряд крупных побед. Все эти обстоятельства направляли шведскую историографическую мысль на поиск новых «побед» и в историческом прошлом. Полагаю, что Рудбек был тем историком, кто первым в полной мере дал развитие подброшенной дипломатом Петреем идее о том, что к предкам шведов можно причислить и древнерусских летописных варягов, а также использовал «свидетельства» Ю. Видекинди о Рюрике из Швеции.

Основная цель Рудбека при реконструкции «шведской» истории в Восточной Европе — стремление доказать, что русские исстари были под властью шведов. Так, ссылаясь на Священное Писание, Рудбек напоминал, что Гог в земле Магог являлся князем Роша, Мешеха и Фувала. Имя Гог, согласно Рудбеку, шведского происхождения и являлось почетным именем и титулом шведских правителей. Шведским именем, на взгляд Рудбека, было и имя Магог. Рудбек находил их следы в шведском именослове. А в имени Фувал (есть русские варианты как Тобел), которое в шведском переводе читалось как Tubal, Рудбек видел название русской реки Тобол, по его сведениям, протекавшей в Пермской земле. Из этого, по убеждению Рудбека, следовало, что страна Гога и Магога находилась в Швеции, значит, шведы были князьями над русскими еще с библейских времен [Rudbeck 1937 (Tredje delen): 174–191, 196–199]. В доказательство своих идей о господстве шведов над русскими Рудбек, как ему кажется, использовал и русские источники. Так, Рудбек писал, что в старых русских летописях рассказывается, что своими первыми королями русские считают тех, кто пришел из страны Варген/Wargön. Поскольку в летописях сказано, что Wargön находится по другую сторону Балтийского моря, то, по убеждению Рудбека, это может быть только Швеция (Рудбек был первым, кто стал уверять, что в летописном «идоша за море к варягам» имелась в виду именно Швеция, и это простоватое толкование до сих пор циркулирует в работах норманистов, убежденных в том, что они опираются на respectable «академизм» Миллера, а тот просто цитировал авторитетного для него Рудбека).

Варген/Wargön, согласно Рудбеку, состоит из слов *warg* — волк и *ön* — остров. Ссылаясь на И. Магнуса, Рудбек уверял, что Варген (Волчий остров) было одним из названий Швеции в древности, а это «показывает, что великокняжеское имя русской династии явилось из Швеции, когда мы к ним пришли. Почему Швеция получила это имя, хорошо разъясняется О. Верелиусом в его примечании к Гервардовой саге: от великого разбоя на море, поскольку волки (*Wargur*) — это те, кто грабят и опустошают и на суше, и на море...» [Rudbeck 1937 (*Första delen*): 324–325]. Почти такими же словами, ссылаясь и на И. Магнуса, и на О. Рудбека, аргументировал Байер свою идею о шведском происхождении варягов: «...Скандия от некоторых называется Вергион и что оно значит остров волков, ...что в древнем языке не всегда значит волка, но разбойника и неприятеля...» [Байер 2006: 353–354]. А ведь Байер до сих пор является непререкаемым авторитетом для каждого норманиста, вклад которого вкупе с Миллером и Шлецером оценивается как «подлинно академическое отношение к древнейшей русской истории, основанное на изучении источников» [Джаксон 1993: 82]. Но из вышеприведенного видно, что за постулатами Байера никаких источников не имеется. Основным «источником» Байера оказывается Рудбек, за которым «маячат» фигура ловкого дипломата Петрея и сфальсифицированные сведения Видекинди, и все трое ссылаются на фантазии И. Магнуса как на высочайший авторитет. Здесь уместно возникает вопрос о том, каким образом вымышленные идеи шведской мифотворческой историографии XVII в. оказались на вооружении немецкой исторической мысли XVIII в.? А произошло это потому, что шведский рудбекианизм в конце XVII — первой половине XVIII в. имел общеевропейскую популярность, чему способствовало увлечение готицизмом и рудбекианизмом представителей английской и французской общественной мысли XVII–XVIII вв., занимавших лидирующее положение в западноевропейской общественной мысли данного периода. В рамках общеевропейского готицизма идеи величия готов в древности приобрели большое распространение во многих европейских странах, вместе с чем Магнус и Рудбек на какое-то время стали признанными европейскими авторитетами.

Особо важно отметить, что виднейшие представители французского Просвещения отдали обильную дань покло-

нения Рудбеку и способствовали тем самым широкому внедрению его «гипербореады» и других «причуд фантазии» в западноевропейскую общественную мысль. Среди таких представителей следует назвать Монтескье, Вольтера, Руссо, Шатобриана. Поэтому, естественно, когда Байер в 1726 г. прибыл в Санкт-Петербург, то в своем научном багаже он привез идеи Рудбека с заученными образами варягов — скандинавских волков из Швеции-Варгиона, на которых он вырос и сформировался. Идеи Монтескье о скандинавах как родоначальниках монархии (со ссылками на Рудбека) и вольтеровские образы готов из Швеции, завоевавших всю Европу, явно сказались на идеях Миллера и Шлёцера [Нильсен 1992: 17–18; Haslag 1963; Montesquien 1990: 165; Svennung 1967; Voltaire 1993: 12].

Однако, помимо популяризации готицизма и рудбекианизма, эпоха Просвещения породила и собственные утопии, вошедшие составной частью в идейный багаж норманизма и негативно сказавшиеся, в частности, на исследовании такой темы, как генезис древнерусского института княжеской власти. Эпоха Просвещения породила историософию, согласно которой возникновение института наследственной власти — княжеской или королевской — связывалось с феодализацией общества и, как следствием этого процесса, возникновением государства, объединенного под властью одного правителя, что и стало основой возникновения института наследственных правителей — монархов. Как все это возникло, было определено со всей категоричностью: в результате сознательно заключенного между людьми договора, чему предшествует стадия анархии и «войны всех против всех». В историю науки эти взгляды, как известно, вошли под именем **теории Общественного договора**. Эти новинки последней западноевропейской мысли также составляли часть идейного багажа, с которым прибыли в Петербург немецкие академики. Теория Общественного договора стала частью их методологической базы в работе с русским летописанием. Взгляды о «демократическом» правлении у новгородцев в соответствии с теорией Общественного договора постулировали как Миллер в своих работах на русском языке [1773: 91–92], так и Шлёцер [1809: 296, 304–306, 420]. Но основоположниками этих идей они не были — они были

только эпигонами идейных течений, сложившихся в рамках Просвещения, прежде всего французского.

Здесь следует указать на еще один момент, важный для понимания ментального наследия немецких академиков и оказавший влияние на формирование концепции древнерусской государственности и древнерусского института княжеской власти у многих современных историков, особенно у сторонников норманистских взглядов. В рамках готицизма, стимулировавшего появление пресловутого германо-славянского спора, зародились, в частности, идеи о некоем имманентном славянам народоправстве. Так, современник Рудбека, прусский историк Христофор Харткнох (1644–1687) писал о том, что вендские народы (он конкретно имел в виду поляков) не имели изначально монархической власти. При этом Харткнох ссылаясь на Прокопия Кесарийского (VI в.), который, характеризуя современных ему славян, сообщал, что они не знали авторитарной монархической власти [Hartknoch 1684: 232–233]. Эта мысль закрепилась в западноевропейской исторической науке, и вот уже в русле просветительской мысли в работах чешского просветителя Г. Добнера (1719–1790) она выступает как истина в последней инстанции: «...чехам и другим славянам в древности было присуще не монархическое, а демократическое общественное устройство» [Мыльников 1996: 234].

Поскольку в эпоху Просвещения в общественной мысли стал доминировать взгляд, согласно которому народоправство связывалось с первобытным хаосом и дикостью, а монархия — с утверждением порядка и цивилизации, то германо-славянский спор в русле новых просвещенных взглядов автоматически разрешался следующим постулатом: истории всех народов, принадлежавших к славянской языковой семье (включая, естественно, и русскую историю), наделялись первородной народоправной дикостью, а носители германских языков становились монопольными обладателями монархического начала и порядка. Несложно понять, что в сознании немецких академиков теория Общественного договора гармонично накладывалась на традиции немецкоязычной историософии об исконном диком «народоправстве» у славян, что облегчало и манипулирование в этом русле содержанием русских летописей. Но любопытно, что

идеи о славянском «народоправстве» проявили удивительную живучесть и продолжают циркулировать и в современной исторической науке (см., например: [Свердлов 2003: 61, 72–82]), хотя это не просто устаревший, но уже обветшавший подход — реликт утопий давно минувших времен.

Завершая краткий экскурс в историю утопий и исторического мифотворчества, постараюсь суммировать те факторы, которые, на мой взгляд, как и было заявлено в начале статьи, стали причиной стагнации в исследовании древнерусского политогенеза и связанной с ним проблемы генезиса института наследственных правителей и препятствуют рассмотрению этих проблем на базе современных научных концепций, в частности на основе концепции вожества.

К таким факторам я отношу: 1) постулат теории Общественного договора о возникновении монархии немедленно из первобытного хаоса «народоправства»; 2) идеи немецкоязычной историософии о прирожденно присущем славянам «демократическом» начале и истинно германской «монархичности»; 3) мифы готицизма и рудбекианизма, наполнившие просвещенные умы Европы образами «германских» сиречь скандинавских завоеваний, несущих другим народам порядок и государственность, — именно они определили подход Байера, Миллера и Шлецера к вопросу об образовании древнерусской государственности как результату завоеваний восточноевропейских славян германцами-скандинавами, а к вопросу о возникновении древнерусского института княжеской власти — как результату договора славян и финнов севера Восточной Европы с безродными бродягами-наемниками из Средней Швеции в лице Рюрика и его братьев.

Весь этот набор утопий XVII–XVIII вв., дополненный в начале XIX в. понятием феодализма как исторического этапа, сменившего первобытность, до сего дня составляет основной историографический арсенал в исследовании проблематики древнерусского института княжеской власти, что, в свою очередь, негативно влияет и на исследование древнерусского политогенеза, препятствуя использованию результатов современных теоретических концепций в изучении политической эволюции позднепервобытных обществ. И объяснить это не очень сложно. Например, концепция вожества тесно связана с институтом сакральных наследных вер-



ховных правителей, традиции которого уходят в автохтонную древность каждого отдельного общества и обусловлены созданием централизованной власти при интеграции автономных общин в более крупные социально-политические единицы, где принципы родства играют цементирующую роль вплоть до того периода, когда начинается переход к государственности (см. об этом, например: [Baum 2004: 55–92; Bondarenko 2008: 19–53; Bondarenko, Grinin, Korotaev 2002: 57–60; Chabal, Feinman, Skalnik 2004: 26–33; и др.]).

В российской же науке застыло представление об аморфном «народоправстве» до призвания безродного Рюрика, нанятого по договору и неизвестно как сочетавшегося с существовавшими в обществе принципами родства. Здесь, кстати, уместно заметить, что в рамках современных концепций раннего государства начинает формироваться критическое отношение к той точке зрения, которая «прямо... или имплицитно исходит из того, что раннее государство — это обязательно государство монархического типа, иерархически устроенное» [Grinin, Carneiro, Bondarenko, Kradin, Korotaev 2004: 94]. Далее, концепция вождества исходит из поэтапной эволюции политогенеза в архаических обществах, принимая во внимание всю совокупность факторов как внутреннего (например, уровень социокультурной сложности общества, идеологическое единство и др.), так и внешнего характера (например, влияние уже существующих государств, опасность быть завоеванным и пр.) на различных стадиях трансформации догосударственных обществ в раннее государство (см., например: [Carneiro 2002: 92–93; Claessen 2008: 8; Grinin 2003: 131–176]). Значительная часть исследователей проблематики древнерусской государственности сохраняет привязанность к догмам готицизма/рудбекианизма, выросшим из мифов об определяющей роли внешнего первотолчка в виде гото-германских завоеваний к возникновению монархий, отождествлявшихся с государственностью (см., например: [Клейн 2009: 221–236; Мурашова 2009: 174–180; Петрухин, Раевский 2004: 325; и др.]). **При этом, естественно, вопросы идеологии, веры остаются совершенно в стороне исследования.** До тех пор пока в науке существует эта догма, мысль об автохтонном поэтапном политогенезе в древнерусской истории востребована быть не может. В рамках одной

статьи невозможно подробно раскрыть и подкрепить необходимым количеством примеров высказанный вывод. Поэтому я проиллюстрирую его на примере нескольких последних публикаций российских авторов, непосредственно посвященных рассмотрению вопроса о возникновении Древнерусского государства и появлении княжеской власти на Руси.

Начну с работ Е.А. Мельниковой [2008а: 47–75; 2008б: 12–26], в центре которых — рассмотрение известного события из русской истории, а именно — призвания варягов на правление в княженье Словен. Е.А. Мельникова принадлежит к тем ученым, которые признают за «Сказанием о призвании варяжских братьев» (далее — Сказание) реальное историческое событие, связанное с появлением в среде славян и финнов севера Восточной Европы скандинавских пришельцев в условиях, когда местные племена вели междоусобные войны «всех против всех», замирились не могли и добровольно пригласили скандинава Рюрика с братьями, заключили с ними договор («ряд»), согласно которому те стали управлять и установили правопорядок, что положило начало древнерусской государственности и институту княжеской власти [Дубов, Кирпичников, Лебедев 1986: 189–194; Кирпичников 1997: 7–15; 1998: 31–38; Котляр 1998; Мельникова 2000: 143, 152–154, 158; 2003: 62–63; 2009: 56–58; Мельникова, Петрухин 1991: 219–229; 1995: 44–57; Носов 1998: 65–66; Петрухин 1995: 116–128; 2008а: 76–83; 2008б: 33–46; 2008в: 41–46; Петрухин, Раевский 2004: 257, 263; Пчелов 2001: 43–60; и др.]

Сквозь полотно этой концепции явно просвечивает основа теории Общественного договора. О родстве вышеуказанной концепции (я назвала ее концепцией «князя по найму») и теории Общественного договора я уже писала в своих работах, касающихся генезиса древнерусского института княжеской власти [Грот 2006/2007: 17–41; 2007а: 72–118; 2007б: 12–22; 2009а: 132–194; 2009б: 132–154; 2009в: 33–72; 2010б: 324–355; 2010в: 324–355]. В частности, я напоминала в этих работах, что концепция «князя по найму» идет полностью вразрез с мировой династической практикой человечества: верховные правители у любого народа в любые времена не нанимались по договору, а избирались в рамках правоотношения, отличного от отношения, возникающего при найме каких-либо услуг. Не соответствует концепция «князя по

найму» и выводам современных теоретических исследований о наследственной власти в архаических обществах, в частности в политических формациях типа вождеств [Баум 2006: 244–266; Крадин 1995: 11–61; 2000: 200–203, 207–213; Попов 1990: 104–109; 1995: 319–321; Скальник, Фейнман, Чэбел 2006: 229–243; Скрынникова 1997; Claessen 1984; Claessen, Oosten 1996; Cohen 1978; Service 1975].

При исследовании традиций передачи власти в рамках правящего рода в первобытную эпоху мне удалось выявить, что общей особенностью института верховной власти предгосударственной эпохи являлся учет двух линий в традиции преемственности власти — отцовской и материнской, составлявших вкуче действенный механизм престолонаследия. Согласно последней, легитимное право на власть могло быть получено, например, благодаря браку с представительницей правящего рода или по праву рождения от нее. Так, в частности, потомство княжен/принцесс, отданных замуж в другие страны, обладало законными правами на престол на родине своей матери. Вследствие этого родовичи-наследники могли находиться и за пределами исконной территории рода, но быть призванными туда, когда это требовалось, как правило, в условиях кризиса власти, когда правящая линия в силу разных обстоятельств пресекалась. Тогда обращались к практике призвания правителя «со стороны» — феномен обычный в династической практике, как показано в моих вышеупомянутых работах. Данной амбилинейностью в традициях преемственности власти в Словенском княжестве логично объясняется, в частности, и призвание летописного Рюрика в Словенское княжество, поскольку он обладал правом выступать кандидатом на княжеский престол на родине его матери. Сведения об этом сохранила для нас русская летописная традиция и традиция русских родословных произведений, исследованная российскими учеными [ПСРЛ 1926: 19–20; 1965: 8–9; 1865: 262; Татищев 1994: 108–110; Азбелев 2007: 6–34; Гольдберг 1976: 209–211; Дмитриева 1955: 90–109; Мыльников 1996: 4; Фомин 2005: 422–426]. Сведения русских источников дополняются данными из произведений западных авторов XVI–XIX вв. [Герберштейн 1908: 4; Майерберг 1874: 105; Меркулов 2003: 136–143; 2005; Фомин 2010: 340–512; Beehr 1759; Buchholz 1753; Duret 1613: 846;

Hübner 1725–1728; Klüver 1739: 32; Latomus 1739–1745; Marmier 1841: 30–31; Münster 1978: 1420; Praethorius 1688: 17; Strykowski 1846: 113 (116); Thomas 1717].

Теперь вернусь к вышеназванным работам Е.А. Мельниковой, где смысл призвания князя Рюрика на княжеский престол в Словенском княжестве трактуется как акт «интегрирования норманнов в инокультурное общество», в результате которого Рюрик стал «первым легитимным князем Руси», и что «Древнерусское государство (Русь, Русская земля) возникает тогда, когда в Киеве утверждается легитимная княжеская династия» [Мельникова 2008а: 3, 17; 2008б: 12]. Правда, последний вывод приписывается Мельниковой составителю Повести временных лет (далее — ПВЛ), но это уже чистый домысел автора: ни ПВЛ, ни другие летописные источники, упоминая летописных князей, не делят их на легитимных и нелегитимных. Подобные формулировки созданы сторонниками концепции «князя по найму». Ее аналогию можно увидеть, например, в опубликованной более десяти лет назад работе Н.Ф. Котляра, который уверял, что «источники, западные и древнерусские (sic! — Л.Г.), постоянно называют князьями племенных вождей, но это вовсе не означало, что они ими были. Князь в **подлинном значении этого термина** (выделено мной. — Л.Г.) появится в восточнославянском обществе лишь тогда, когда начнет рождаться государственность» [Котляр 1998: 35]. Приведенные примеры показывают, что сторонники концепции «князя по найму» загнали себя в тупик, не будучи в состоянии отказаться от взгляда XVIII в. на государственность и институт княжеской/королевской власти как на единое целое. По этой причине они не могут использовать и теоретические достижения политической антропологии, в частности, о принципах образования институтов верховной власти в догосударственных полициях, разработанные в русле концепции о вожестве.

Продолжим рассмотрение вышеупомянутых работ Мельниковой, поскольку у этого автора более четко, чем у других сторонников концепции «князя по найму», обнаруживаются следы отживших идейных систем: теории Общественного договора, готицизма, рудбекианизма. Проанализируем несколько фрагментов из ее работ.

Первое, на что следует обратить внимание, — врез со всеми имеющимися свидетельствами источников о том, что Рюрика призывали князем в силу его прав на княжеский престол согласно матрилиатеральной традиции, мы постоянно встречаем у Е.А. Мельниковой только образ безродного наемника, невесть как ставшего князем: «...Рюрик — предводитель одного из многих (? — Л.Г.) военных отрядов скандинавов...», или: «Заключение договора... между князем — “наемником” и новгородской знатью превращается со временем в норму...», или «Обращение к одному из сильных викингских отрядов... было естественным средством, с одной стороны, защиты от “находников”, с другой — формирования властных институтов, нейтральных по отношению к племенным группировкам» [Мельникова 2008а: 60, 65; 2008б: 24]. Под «нейтральными властными институтами» Е.А. Мельникова подразумевает «верховную власть на обусловленной “рядом” территории с целью поддержания “порядка”, то есть регулирования межплеменных отношений» [Мельникова 2008б: 25], и таким образом, убеждена, что институт верховной княжеской власти в древнерусской истории возникает исключительно из приобретения услуги по договору (так она толкует слово *ряд* в тексте «Сказания»). Трактовка Е.А. Мельниковой поражает своей аномальностью, поскольку она ставит Словенское княжество не только вне всяких традиций родовой организации, но придает ему даже постмодернистские черты: рынок свободной покупки — продажи услуг между двумя партнерами, не отягченными никакими родовыми традициями. Чем иным, как не неизменным тиражированием матрицы теории Общественного договора, можно объяснить этот странный факт, что сторонники концепции «князя по найму» идут параллельным курсом как к свидетельствам источников, так и к достижениям теоретической мысли, никогда с ними не пересекаясь?

Второй момент, который следует подчеркнуть, — теория Общественного договора, которую, кстати Р. Карнейро в одной из своих работ назвал историческим курьезом, — не единственный пережиток давних времен в идейном багаже сторонников концепции «князя по найму». И здесь своевременно отметить, что сложность признания наличия института верховной власти в архаичных обществах существует для

этих авторов только относительно древнерусской истории, то есть их догматизм весьма селективен. В статье «Укрошение неукротимых...» Е.А. Мельникова рассматривает события, связанные с историей дипломатических отношений между правителями Южной Ютландии и Франкским государством, а также — с набегами викингов на Атлантике и Британских островах, что сопровождается оценками социально-политического развития южнодатских конунгств с конца VIII в. В контексте этих событий она, не сомневаясь, использует такие понятия, как «собственные династии правителей в Южной Дании», «конунги Хедебю», приводя данную титулатуру без особых разъяснений. Но как быть читателю? Читатель уже попал под обаяние идеи, что институт наследной власти возникает из пепла хаоса межплеменных усабиц великой силой договора, и поэтому задается законным вопросом: а как возникли в таком случае институты королевской власти в тех же южнодатских социально-политических организациях, упоминаемых в статье? Поскольку Е.А. Мельникова в своей статье соединяет в одних рамках историю взаимоотношений Южной Ютландии с Франкской империей, историю викингских походов на запад и политогенетические процессы в древнерусской истории IX в., то это дает нам право предположить, что, например, институт конунгов Хедебю возник также как институт княжеской власти в Приильменье, то есть как результат договоров южноютландских правителей с Карлом Великим. Но только напрасно мы будем утруждать себя подобными предположениями: на их пути немедленно встанет препятствие в форме другой утопии, которой подвержены сторонники концепции «князя по найму», а именно вышеупомянутого **готицизма**.

От готицизма, идеализации прошлого готов и так называемого готско-германского начала, якобы в результате своих завоеваний создавшего государственность во Франции и Англии, а также породившего монархический принцип, который и перешел от «германцев» к «славянам», унаследована сторонниками концепции «князя по найму» внутренняя убежденность в том, что институт верховной власти и вообще феномен королевской (княжеской) власти зародился из исконных фибров готско-германского начала, адекватного «скандинаво-норманскому», а в летописном Словенском

княжестве данный институт явился в результате влияния экзогенного фактора в лице того же германско-норманского начала и воплотился в жизнь через таинство, сопровождавшее здесь явление викингского вождя неустановленного происхождения. Звучит слишком надуманно? Увы! Идеалы готицизма, зародившегося в то время, когда люди еще верили, что земля плоская, пустили очень цепкие корни в западноевропейском сознании и влияли на западноевропейскую мысль в течение длительных периодов.

Важно знать, что укоренению среди советских исследователей идеи приоритета готско-германского или норманского фактора при образовании государств сильно содействовала статья К. Маркса «Тайная дипломатия XVIII в.», написанная в конце 1850-х гг., однако в полном виде опубликованная лишь после его смерти, в 1899 г., но так и не включенная ни в одно из собраний сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изданных в советское время. В этой статье К. Маркс предпринял краткий экскурс в историческое прошлое России, и единственным автором, на работы которого он при этом опирался, был Шлецер.

Статья К. Маркса, в которой он рассматривал возникновение русского государства как «естественный результат примитивной организации норманского завоевания...» [Marx 1990: 6, 131–133] — типичный образчик исторического наследия готицизма в XIX в., продолжавшего верить, что готско-германские завоевания заложили основы европейской государственности. А статья Е.А. Мельниковой — точный сколок взглядов, изложенных в «Тайной дипломатии XVIII в.». У Маркса мы видим рассуждение о древнерусской государственности как результате норманского завоевания в форме «примитивной организации», и Мельникова в унисон этому убеждает нас в том, что события летописного сказания о Рюрике происходят «на фоне скандинавского присутствия в Ладожско-Ильменском регионе» и отражают факт обращения к «одному из сильных викингских отрядов, возможно, уже обосновавшемуся в округе» как средству «формирования властных институтов»; Маркс выражает уверенность в том, что «как в России, так и в Нормандии... походы первых Рюриковичей и их завоевательная организация ни в чем не отличались от норманнов в других частях Европы» и что

«образование государства в империи Рюриковичей носило исключительно готский характер». Также и Мельникова не видит разницы между Русью и Нормандией, проводя, например, прямые параллели между призванием Рюрика в князя на словенский престол и договорным урегулированием отношений короля франков Карла Простого в X в. с Роллоном (Хрольвом), ставшим основателем герцогства Нормандия [Marx 1990: 131–132; Мельникова 2008б: 12–13, 17, 23–24].

Третий момент, который хотелось бы подчеркнуть, заключается в том, что если мы обратимся к фактам, то увидим, что не имеется ни малейших данных ни в русских, ни в скандинавских источниках, которые позволяли бы проводить аналогии между призванием Рюрика и договорами с викингскими отрядами из французской истории (или английской, примеры из которой также используются Мельниковой), но Мельникова полагает, что материала западноевропейской истории с избытком хватает и для анализа русской истории. Договор с Роллоном первой четверти X в., как и другие подобные документы из истории Англии и Франции, приводимые ею, ни в одном пункте не совпадают с фактами призвания варяжских князей в Новгород в 862 г. Подобные договоры заключались с предводителями военных отрядов данов или выходцев из будущей Норвегии, что бесспорно подтверждается множеством источников. Но согласно источникам, эти викинги ниоткуда не призывались, поскольку ко времени заключения договоров уже довольно длительное время находились на территории Англии и Франции, осев там в результате завоевательных походов. Договоры регулировали границы их расселения, даровали земельные пожалования, возглашали мир и вассальные отношения между отрядами викингов и, соответственно, королями франков или королями Англии, однако ни один из договоров не пытался наделить вожаков военных отрядов судебными или какими-либо другими функциями, являющимися прерогативой верховного правителя.

Сказание о призвании князей в русских летописях повествует о поисках кандидатуры князя как верховного правителя и, таким образом, представляет правоотношение, отличное от возникающего при найме каких-либо услуг. Призвание правителя «со стороны» отражало выбор родовича за преде-



лами родовой территории, но из системы генеалогических связей. Наем иноземных отрядов наверняка пестрой этнической принадлежностью осуществлялся и великими киевскими князьями, например Владимиром Святым и Ярославом Мудрым, примерно в тот же исторический период, что и в Западной Европе, — самое благое дело было бы для Мельниковой взять эти факты для сравнительно-исторического анализа. Но она не видит разницы между призыванием правителя со стороны — явлением, распространенным в политической практике европейских стран, — и наделением ленами мелких предводителей из североευропейских стран со стороны существующей верховной власти.

Интересно посмотреть на примере ее статьи «Укрошение неукротимых...», какими доводами руководствуются сторонники концепции «князя по найму», чтобы прийти к выводам, не подтверждаемым с помощью источников.

Бросается в глаза стремление автора, с одной стороны, архаизировать эволюционную ступень, на которой находилось княжение Словен, а с другой — повысить социально-политический уровень развития политий на Ютландском полуострове, и все это без малейших доказательств. Так, в начале статьи она декларирует, что уже «со второй трети VIII в. на юге Ютландского п-ва формируется раннегосударственное образование с центром в Хедебю... в IX и на протяжении значительной части X в. существовало несколько раннегосударственных объединений со своими собственными династиями правителей: в Южной Дании с центром в Хедебю, в западной Ютландии с центром в Риббе, на о. Зеландии и др.», но через несколько страниц, а хронологически — по истечении всего полувека — Мельникова определяет южнодатские владения уже как «государственные образования», то есть под ее пером переход к качественно новой форме политогенеза в южноютландском конунгстве происходит со стремительной скоростью.

Более того, она подает читателю надежду, что нижняя хронологическая граница этих процессов может быть еще больше занижена: «Ныне начало эпохи викингов, которая рассматривается как время не только викингских походов, но и зарождения и становления ранних государств, отодвигается к первой трети VIII в.» [Мельникова 2008б: 12–13, 17],

не приводя при этом ни одной ссылки на соответствующую литературу: кем, какими учеными рассматривается, с какого времени и на каком основании, оставляя читателя в полном недоумении.

Дело в том, что в скандинавской медиевистике уже давно утвердился вполне определенный взгляд на викингскую эпоху (от 790-х до 1100-х гг.) как на догосударственный период в Скандинавских странах. Ранее, в первой половине XX в., действительно доминировало представление о развитии государственности в этих странах чуть ли не с VI в., но постепенно от этих взглядов отказались [Lindkvist 1995: 1–13; Lindkvist, Sjöberg 2008: 15–42; Harrison 2009: 13–74, 119–130].

Е.А. Мельникова не только не дает ссылок на литературу, но и не называет ни одного критерия или признака, согласно которым она небольшую территорию с центром в Хедебю уже со второй трети VIII в. выделяет как «раннегосударственное образование», а не как более архаичную социально-политическую организацию, например как догосударственное образование типа вожества. Позволю себе высказать догадку, что в своем анализе она и здесь исходит из внутреннего убеждения, питаемого вышеперечисленными утопиями: раз в западноевропейских источниках упоминаются титулы “rex Danorum”, то это государственность, пусть и ранняя, чтобы отдать дань современным концепциям о раннем государстве<sup>1</sup>. Но ведь в источниках говорится и о древнерусских князьях до прихода Рюрика?! А для того, очевидно, летописные княжества и архаизируются ею: если назвать их «догосударственными», то князья автоматически отпадают. Нет государственности — нет и князей, согласно убеждению сторонников концепции «князя по найму», а тех, которые упоминаются в источниках, следует объявить «неподлинными».

Краткий экскурс в историю западноевропейских утопий XVI–XVIII вв. и сравнительный анализ их традиций с существующей концепцией возникновения древнерусского института княжеской власти, которую я назвала концепцией «князя по найму», а также тесно связанной с ней концепцией древнерусского политогенеза, показывают, что исследования по древнерусской истории так и не вышли из-под влияния упомянутых утопий, что негативно сказывается на про-

цессе изучения древнерусской государственности и, по моему убеждению, обуславливает ситуацию, которая в начале статьи была обозначена как методологический тупик.

Пробным камнем для достоверности сделанного вывода служат концепция вождества, а также другие теории относительно путей движения к государственности, которые разрабатываются современной теоретической мыслью, и отношение к ним части отечественных историков — специалистов в области древнерусского политогенеза. Если более десяти лет назад термин «*вождество*» встречался достаточно часто в работах по проблематике древнерусского политогенеза [Котляр 1998: 33–40; Шинаков 2000: 316–334], то в течение последующих лет он или практически исчез, или стал подвергаться завуалированным, но достаточно резким нападкам, что мы видим, например, в работах М.Б. Свердлова по историографии и истории Руси домонгольского периода: «Для националистов разных партийных направлений, сторонников цивилизационных, антропологических и культурологических методов это одна из форм отрицания единства культурно-исторического развития России в пространстве стран европейского континента». Слова эти направлены прежде всего против исследователей, отстаивающих идею о дофеодалном периоде истории Руси [Свердлов 2002: 35; 2003: 26–27, 33–36].

Для тех же российских историков, которые стремятся продолжать разрабатывать концепцию вождества, заповедной темой по-прежнему является институт наследной власти в вождествах. Примером служат работы Е.А. Шинакова, который, рассматривая «механизмы» древнерусского политогенеза, практически избегает анализа института княжеской власти в летописных княжениях до призвания Рюрика, по старинке апеллируя к идее появления этого института из договора [Shynakov 2007: 128–129]. В результате из исследования изымается сама тема летописных дорюриковских князей (например, в княжениях Словен, Полян и др.), что не способствует воссозданию цельной картины древнерусского политогенеза. До тех пор пока не будет осознано, что договоры с князьями/королями (чему имеется множество примеров) — это не то же самое, что возникновение княжеской/королевской власти по договору (чему аналогов нет, с тех пор как теория Общественного договора признана утопией), иссле-

дования по древнерусскому политогенезу будут стоять на месте. Моя мысль о том, что ученые, разделяющие взгляд на призвание Рюрика как на наем безродного предводителя скандинавских отрядов, не в состоянии осваивать все многообразие новых форм развития общетеоретической мысли, касающихся анализа архаичных обществ, обсуждающихся в современной науке, находит подтверждение в словах известного археолога Е.Н. Носова, высказанных в послесловии к книге Л.С. Клейна «Спор о варягах». Путь для создания новой общетеоретической базы при решении «многих ключевых проблем русской истории» Носов видит только в возврате к началу XX в.: «Проступающие контуры новой концепции истории Руси во многом восходят... к русской исторической мысли начала столетия — В.О. Ключевскому, С.Ф. Платонову, А.Е. Преснякову...» [2009: 350–355].

Только освобождение от вышеперечисленных утопий может вырвать отечественную историческую мысль из блуждания по кругу или методологического тупика.

<sup>1</sup> Критериям раннего государства была посвящена статья Е.А. Мельниковой [1995: 16–30], написанная почти 20 лет назад, что, однако, не избавляет автора от обязанности давать определения тех же категорий в своих последующих работах, тем более что за эти годы, например, концепция раннего государства получила значительное развитие, хотя по-прежнему остается дискуссионной (см.: [Thirty Years 2008; The Early State 2009]). Кроме того, в упомянутой статье автор демонстрирует довольно путаные представления и о предгосударственных полициях, и о раннегосударственных. Так, она выделяла «догосударственные потестарно-политические структуры», которые отождествляла с понятием “chiefdom” (правда, перевела этот термин весьма своеобразно — как «вождийство») [Мельникова 1995: 21]. Однако почему-то термин «предгосударственная структура», что, на наш взгляд, является синонимом догосударственной, у нее тождественна раннегосударственной. Так, говоря о северо-западе Восточной Европы в IX в. — будущей Новгородской земле, Е.А. Мельникова отмечала: «...здесь ко второй половине IX в. формируется и предгосударственная (или раннегосударственная) структура, охватывающая огромную территорию» [Там же: 26]. Она высказала уверенность в том, что основными особенностями раннего государства («зарождающегося», в ее определении) являются военная организация, то есть дружина, и торговля. Но это совершенно не соответствует исторической действительности, так как торговля и военная элита присутствовали и в политических системах кочевников евразийских степей, но их

«кочевые империи» по своему устройству являлись суперсложными вождествами (см., например, работы Н.Н. Крадина [1995; 2000; 2004; 2007] и Т.Д. Скрынниковой [1997; 2009; Skrynnikova 2003: 135–147; 2004: 525–535], а также [Крадин, Скрынникова 2006]).

*Азбелев С.Н.* 2007. Устная история. СПб.

*Байер Г.З.* 2006. О варягах // Фомин В.В. Ломоносов. Гений русской истории. М.

*Баум Р.* 2006. Ритуал и рациональность: корни бюрократического государства в Древнем Китае // РГАА.

*Бахрушин С.В.* 1938. «Держава Рюриковичей» // ВДИ. № 2.

*Бондаренко Д.М., Крадин Н.Н., Коротаев А.В., Лынина В.А.* (ред.). 2000. Альтернативные пути к цивилизации. М.

*Брагина Л.М.* (ред.). 1985. Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.). М.

*Васильев Л.С.* 1980. Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству — чифдом) // НАА. № 1.

*Васильев Л.С.* 1983. Проблемы генезиса китайского государства. М.

*Вольфрам Х.* 2003. Готы. СПб.

*Герберштейн С.* 1908. Записки о Московитских делах (1549). СПб.

*Гольдберг А.Л.* 1976. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. 30. Л.

*Гришин Л.Е., Бондаренко Д.М., Крадин Н.Н., Коротаев А.В.* (ред.). 2006. Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград.

*Грот Л.П.* 2006/2007. Имена древнерусских князей: к проблеме сакрального и династийного принципов именованности // Древняя столица: история и современность. Владимирские чтения. 1-е и 2-е изд. Владимир.

*Грот Л.П.* 2007а. Как Рюрик стал великим русским князем? Теоретические аспекты генезиса древнерусского института княжеской власти // История и историки. 2006. М.

*Грот Л.П.* 2007б. Начальный период российской истории и западноевропейские утопии // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы науч. конф. 2006–2007 гг. Великий Новгород.

*Грот Л.П.* 2008а. Варяжский вопрос и рудбекианизм в современном норманизме // Историческая наука и российское образование (актуальные проблемы). М. Ч. 1.

*Грот Л.П.* 2008б. Гносеологические корни норманизма // ВИ. № 8.

*Грот Л.П.* 2009а. Алгебра родства и практика призвания правителя «со стороны» // АР-12.

*Грот Л.П.* 2009б. Генезис древнерусского института княжеской власти, западноевропейские утопии эпохи Просвещения и их

предтечи // Сложение русской государственности в контексте ранне-средневековой истории Старого Света / Тр. Гос. Эрмитажа. Т. XLIX. СПб.

*Грот Л.П.* 2009в. Рюрик и традиции наследования власти в догосударственных обществах // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI вв.: материалы Междунар. науч. конф., 31 октября — 1 ноября 2008 г. Липецк.

*Грот Л.П.* 2010а. Утопические истоки норманизма: мифы о гипрбореях и рудбекианизм // ИНРИ. Вып. 1.

*Грот Л.П.* 2010б. Путь норманизма от фантазии к утопии // ИНРИ. Вып. 2.

*Грот Л.П.* 2010в. Практика призвания правителя «со стороны» и проблема генезиса института княжеской власти в русской истории // Обычай, символ, власть. К 75-летию со дня рождения д.ю.н. И.Е. Синициной. М.

*Гуревич А.Я.* 1967. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М.

*Гуревич А.Я.* 1972. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.

*Гуревич А.Я.* 1977. Норвежское общество в раннее Средневековье. М.

*Джасксон Т.Н.* 1993. Варяги — создатели Древней Руси? // Родина. № 2.

*Дмитриева Р.П.* 1955. Сказание о князьях владимирских. М.; Л.

*Дубов И.В., Кирпичников А.В., Лебедев Г.С.* 1986. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М.

*Жуков Е.М.* 1968. Вступительное слово «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой» // СВ. Вып. 31.

*Жуков Е.М.* 1980. Очерки методологии истории. М.

*Журавель А.В.* 2003. С.В. Юшков — наш современник // Сб. Российского ист. об-ва. М. Т. 6 (154).

*Кирпичников А.Н.* 1997. «Сказание о призвании варягов». Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения. СПб.

*Кирпичников А.Н.* 1998. Сказание о призвании варягов: Легенды и действительность // Викинги и славяне. СПб.

*Клейн Л.С.* 2009. Спор о варягах. СПб.

*Котляр Н.Ф.* 1998. Древнерусская государственность. СПб.

*Крадин Н.Н.* 1995. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // РФПО.

*Крадин Н.Н.* 2000. Имперская конфедерация хунну: социальная организация суперсложного вождества // РФСО.

- Крадин Н.Н.* 2004. Политическая антропология. М.
- Крадин Н.Н.* 2007. Кочевники Евразии. Алматы.
- Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* 2006. Империя Чингисхана. М.
- Лосев А.Ф.* 1978. Эстетика Возрождения. М.
- Майерберг А.* 1874. Путешествие в Московию (1661–1662). М.
- Макьявелли Н.* 1987. История Флоренции / пер. с ит. Н.Я. Рыковой. 2-е изд. М.
- Мельникова Е.А.* 1995. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе. (Постановка проблемы) // ДГВЕ. 1992–1993.
- Мельникова Е.А.* 2000. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // ДГВЕ. 1998.
- Мельникова Е.А.* 2003. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // ДГВЕ. 2001.
- Мельникова Е.А.* 2008а. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях летописцев XI — начала XII в. // ДГВЕ. 2005.
- Мельникова Е.А.* 2008б. Укрощение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интегрирования в инокультурных обществах // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (32).
- Мельникова Е.А.* 2009. Ренессанс Средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке // Родина. № 3, 5.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* 1991. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1990 г. М.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* 1995. Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // ВИ. № 2.
- Меркулов В.И.* 2003. Немецкие генеалогии как источник по варяго-русской проблеме // Сб. Российского ист. об-ва. М. Т. 8 (156) «Антинорманизм».
- Меркулов В.И.* 2005. Откуда родом варяжские гости? (генеалогическая реконструкция по немецким источникам). М.
- Миллер Г.Ф.* 1773. О народах, издревле в России обитавших. СПб.
- Мурашова В.В.* 2009. «Путь их ободрит в греки...» (археологический комментарий по варяжскому вопросу) // Российская история. № 4.
- Мыльников А.С.* 1996. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб.
- Неусыхин А. И.* 1945а. Общественный строй лангобардов в VI–VII вв. // СВ. Вып. 1.

*Неусыхин А.И.* 1945б. Свобода и собственность в варварском обществе по «Салической правде» в родоплеменном обществе // Известия АН СССР. Отд-ие общ. наук. № 4.

*Неусыхин А.И.* 1946. Эволюция собственности и свободы в родоплеменном обществе // ВИ. № 4.

*Неусыхин А.И.* 1955. Крестьянские движения в Западной Европе в VI–IX вв. // Из истории социально-политических идей. М.

*Неусыхин А.И.* 1956. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI–VIII вв. М.

*Неусыхин А.И.* 1968. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // СВ. Вып. 31.

*Нильсен Й.П.* 1992. Рюрик и его дом. Архангельск.

*Носов Е.Н.* 1998. Первые скандинавы в Северной Руси // Викинги и славяне. СПб.

*Носов Е.Н.* 2009. Послесловие // Клейн Л.С. Спор о варягах. СПб.

*Петрухин В.Я.* 1995. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск; М.

*Петрухин В.Я.* 2008а. Сказание о призвании варягов в средневековой книжности и дипломатии // ДГВЕ. 2005.

*Петрухин В.Я.* 2008б. Призвание варягов: историко-археологический контекст // ДГВЕ. 2005.

*Петрухин В.Я.* 2008в. Легенда о призвании варягов и балтийский регион // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (32).

*Петрухин В.Я., Раевский В.Я.* 2004. Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М.

*Попов В.А.* 1990. Этносоциальная история аканов в XVI–XIX вв. Проблемы генезиса и стадийно-формационного развития этнополитических организмов. М.

*Попов В.А.* 1995. «Хождение в Абомей в сухое время года», или К вопросу об инверсиях полюдьа // РФПО.

ПСРЛ. 1865. СПб. Т. VII.

ПСРЛ. 1926. Л. Т. I.

ПСРЛ. 1965. М. Т. IX.

*Пчелов Е.В.* 2001. Генеалогия древнерусских князей. М.

*Свердлов М.Б.* 1996. Дополнения // Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц.; подгот. М.Б. Свердлов. 2-е изд., испр. и доп. СПб.

*Свердлов М.Б.* 2002. Историография, теория и практика изучения истории Руси VI–XIII вв. Саратов.

*Свердлов М.Б.* 2003. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб.

*Скальчик П., Фейнман Г.М., Чэбел П.* 2006. По ту сторону государств и империй: вожества и неформальная политика // РГАА.



- Соколов В.В.* 1984. Европейская философия XV–XVII вв. М.
- Скрынникова Т.Д.* 1997. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М.
- Скрынникова Т.Д.* 2009. Политическая организация Халхи XVI–XVII вв. // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ. Кн. 3.
- Сюзюмов М.Я.* 1948. Проблемы иконоборческого движения в Византии // Уч. зап. Свердловского пед. ин-та. Свердловск.
- Сюзюмов М.Я.* 1955. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи // ВДИ. № 1.
- Сюзюмов М.Я.* 1960. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии // ВВ. Т. 17.
- Сюзюмов М.Я.* 1972. Дофеодальный период // АДСВ. Вып. 8.
- Татищев В.Н.* 1994. История Российская. Т. I // Татищев В.Н. Собр. соч. М. Т. I–VIII.
- Фомин В.В.* 2005. Варяги и Варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.
- Фомин В.В.* 2010. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии // ИНРИ. Вып. 1.
- Форстен Г.* 1889. Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. Октябрь.
- Фроянов И.Я.* 1980. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.
- Фроянов И.Я., Ю.И. Юдин.* 1983. Об исторических основах русского былевого эпоса // Русская литература. № 2.
- Фроянов И.Я.* 1992. Мятельный Новгород. СПб.
- Фроянов И.Я.* 1999. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб.
- Хазанов А.М.* 1979. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М.
- Шинаков Е.А.* 2000. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования древнерусского государства // РФСО.
- Шлецер А.-Л.* 1809. Нестор. Русские летописи на Древле-Славенском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом-Лудовиком Шлецером. СПб. Т. 1.
- Юшков С.В.* 1939. Очерки истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л.
- Юшков С.В.* 1946. К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве // ВИ. № 7.
- Baum R.* 2004. The Origin of Polities: A Preliminary Inquiry into the Evolution of Command and Control in Human Collectives // SEH. Vol. 3. № 2.
- Beehr M.J.* 1759. Acht Bücher der Mecklenburgischen Geschichte. Ratzenburg.
- Bondarenko D.M.* 2008. Kinship, Territoriality and the Early State Lower Limit // SEH. Vol. 7, № 1.

- Bondarenko D.M., Grinin L.E., Korotayev A.V.* 2002. Alternative Pathways of Social Evolution // SEH. Vol. 1, № 1.
- Buchholz S.* 1753. Versuch in der Geschichte des Herzogthums Meklenburg. Rostok.
- Carneiro R.L.* 1970. A Theory of the Origin of the State // Studies in Social Theory. № 3. California.
- Carneiro R.L.* 2002. Was the Chieftdom a Cancellation of Ideas? // SEH. Vol. 1, № 1.
- Chabal P., Feinman G., Skalnik P.* 2004. Beyond States and Empires: Chieftdoms and Informal Politics // SEH. Vol. 3, № 1.
- Claessen H.J.M.* 1984. The Internal Dynamics of the Early State // CA. Vol. 25, № 4.
- Claessen H.J.M.* 2008. Before the Early State and After // SEH. Vol. 7, № 1.
- Claessen H.J.M., Oosten J.G.* (eds.). 1996. Ideology and the Formation of Early States. Leiden.
- Cohen R.* 1978. State Origins: A Reappraisal // The Early State. The Hague.
- Duret C.* 1613. Thresor de l'histoire des langues de cest Unvers. Cologne.
- Grinin L.E.* 2003. The Early State and its Analogues // SEH. Vol. 2, № 1.
- Grinin L.E.* 2004. Democracy and Early State // SEH. Vol. 3, № 2.
- Grinin L.E., Carneiro R.L., Bondarenko D.M., Kradin N.N., Korotayev A.V.* (eds.). 2004. Early State, Its Alternatives and Analogues. Volgograd.
- Harrison Dick.* 2009. Sveriges historia. Stockholm.
- Hartknoch Ch.* 1684 Alt- und Preussen oder Preussischer Historien zwey Theile. Frankfurt, Leipzig.
- Haslag J.* 1963. "Gotic" im 17 und 18. Jahrhundert. Köln.
- Hübner J.* 1725–1728. Genealogische Tabellen, nebst denen darzu gehörigen genealogischen Fragen, zur Erläuterung der politischen Historie. Leipzig. Th. 1–3.
- Johannesson K.* 1982. Gotisk renässans. Johannes och Olaus Magnus som politiker och historiker. Stockholm.
- Klüver H.H.* 1739. Vielfältig vermerkte Beschreibung des Herzogtums Mecklenburg. Dritten Teils erstes Stück. Hamburg.
- Kristeller P.O.* 1961. Renaissance Thought. The Classic, Sholastic and Humanist Strains // Cultural Aspects of Italian Renaissance. Essays in Honor P.O. Kristeller. Manchester.
- Latomus B.* 1739–1745. Genealochronicon Megapolitanum // Westphalen J.E. de. Monumenta inedita. Leipzig, ersmals 1610. T. I–IV.
- Latvakangas A.* 1995. Riksgrundarna. Varjagproblemet i Sverige från runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. Turku.

- Lindroth S.* 1961. *Göticismen // Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid från vikingatid till reformationstid.* Malmö. Bd. VI.
- Lindkvist Th.* 1995. *Plundring, skatter och den feodala statens framväxt. Organisatoriska tendenser i Sverige under övergången från vikingatid till tidig medeltid.* Uppsala.
- Lindkvist Th., Sjöberg M.* 2008. *Det svenska samhället. Klerkernas och adelns tid. 800–1720.* Andra upplaga. Lund.
- Marmier X.* 1841. *Letters sur le Nord.* P.
- Marx K.* 1990. *1700-talets hemliga diplomati.* Värnamo.
- Montesquien Ch.L.* 1990. *Om lagarnas anda.* Stockholm.
- Münster S.* 1978. *Cosmographia (1543) / Faksimile-Druck nach dem Original von 1628.* Basel.
- Nordström J.* 1934. *De yverbornes ö.* Stockholm.
- Nordström J.* 1971. *Goter och spanjorer. Till spanska goticismens historia // Lychnos. Lärdomshistoriska samfundets årsbok.* Stockholm.
- Norsdröm J.* 1975. *Johannes Magnus och den götiska romantiken / Akademiska föreläsningar. 1929.* Stockholm.
- Praethorius M.* 1688. *Orbis Gothicus.* Oliva. Liber II.
- Rudbeck O.* 1937. *Atland eller Manheim.* Uppsala och Stockholm. Första-tredje delen.
- Service E.* 1975. *Origins of the State and Civilization.* N.Y.
- Shynakov E.A.* 2007. *The Mechanisms of the Old Russian State Genesis // SEH. Vol. 6, № 2.*
- Skrynnikova T.D.* 2003. *Power among Mongol Nomads of Chinggis Khan's Epoch // Nomadic Pathways in Social Evolution.* M.
- Skrynnikova T.D.* 2004. *Mongolian Nomadic Society of the Empire Period // ESAA.*
- Strykowski M.* 1846. *Kronika Polska, Litewska, Zmudzka y wszystkiey Rusi Kjowskiey, Moskiewskiey... (1582).* Warszawa.
- Svennung J.* 1967. *Zur Geschichte des Goticismus.* Stockholm.
- The Early State in Anthropological Theory.* 2009 // SEH. Vol. 8, № 1.
- Thirty Years of Early State Research.* 2008 // SEH. Vol. 7, № 1.
- Thomas F.* 1717. *Avitae Russorum atqve Meclenburgensium Principum propinqvitatits seu consanquinitatis monstrata ac demonstrata vestigia.* Rostok.
- Westin G.* 1949. *Johannes Magnus och Miechovitas brevväxling om goternas ursprung // Kyrkohistorisk årsskrift. Fyrtionde årgången.* Uppsala; Stockholm.
- Widekindi J.* 1971 (1672). *The svenska i Russland tijo åhrs krijzhistorie.* Stockholm.
- Wiselgren P.* 1835. *Sveriges sköna litteratur, en öfverblick vid Akademiska föreläsningar. Andra delen.* Lund.
- Voltaire.* 1993. *Karl XII.* Stockholm.